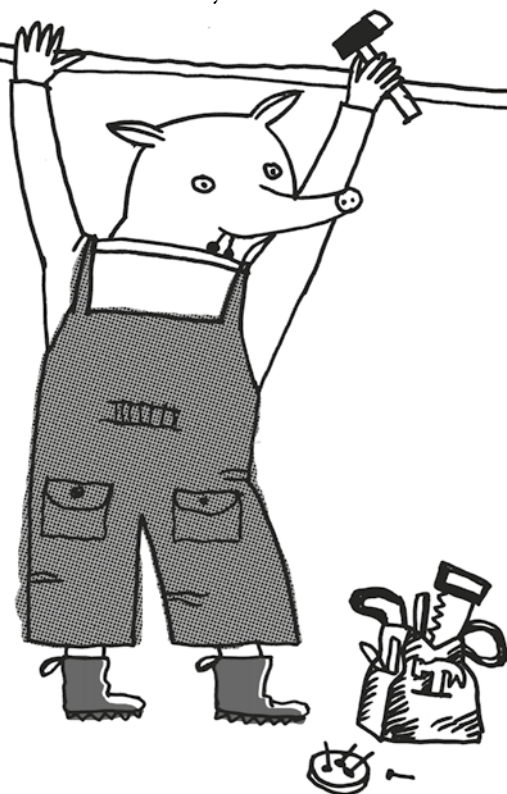

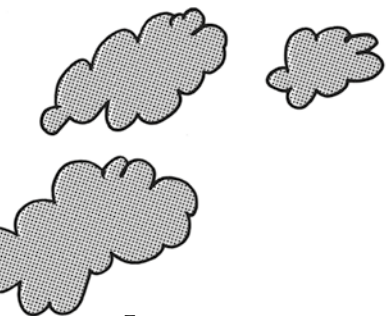
Посвящая Колин, которая разбирается в ежах

Предупреждение

Страна, в которой начинается эта история, населена животными, которые умеют говорить, ходят на двух ногах, носят одежду, умеют сварить спагетти и починить водонагреватель. Соседняя страна населена людьми, самыми умными из животных.

Фургончик «рено», катившийся на скорости сорок пять километров в час под холодным дождем, несомненно, помнил еще генерала де Голля*. Машина немного кренилась на правый бок, кузов, изначально грязно-зеленый, держался на честном слове, а совершенно круглые фары выглядели как глаза какой-то печальной зверушки.

Сразу за автобусной остановкой фургончик свернул на отходящую влево грунтовку, по которой черепашьям шагом доехал до маленького домика. Шофер развернулся, чтобы можно было сразу отъехать, поставил машину на ручной тормоз и посигналил — выдалось сиплое, довольно смешное «хонк-хонк». Правый бок машины был весь разрисован красками самых кричащих цветов: красной, желтой, зеленой... Там был изображен веселый молодой свин в комбинезоне

---

* Шарль Андре Жозеф Мари де Голль (1890–1970) — первый президент Пятой республики, лидер французского Сопротивления. Один из самых выдающихся правителей Франции наряду с Наполеоном. — *Здесь и далее — примеч. ред.*

с гигантским разводным ключом наперевес. Над его головой разноцветными буквами было выведено:

«ПРОБЛЕМЫ С ОТОПЛЕНИЕМ? ЖИЛЬБЕР!»

И более мелко:

«Обогреватели, радиаторы, вентиляция...»

И ниже — номер телефона.

Что самое забавное — из кабины выпрыгнул свин, в точности такой, как на картинке, минус разводной ключ. Осторожно, не хлопая, прикрыл дверку, прорылся к домику и постучался. Он только что не приплясывал от радостного нетерпения.

— Джефф! Открывай!

Означенный Джефф не слышал, что и понятно: у него музыка грохотала так, что от басов стекла дрожали. Жильбер сразу определил, что это «Каба-рэп», кабанья рэп-группа, самая крутая в стране животных, — три отчаянные девчонки, азартные и неистощимые на выдумку. Их хит «Мы прошли по краю» со всем известным припевом:

На макушке щетина гребнем —

Мы не чушки, мы сестры вепрям! —

вошел в топ-лист «Десять лучших песен года».

— Открывай, Джефф! Это я! — Жильбер, выйдя из терпения, застучал в окно.

Музыка тут же смолкла, и через пару секунд в дверях появился Джефферсон. Это был молодой еж ростом около семидесяти сантиметров, то есть в человеческом интерьере он мог бы под стол пешком ходить.

Жильбер был на пятнадцать сантиметров выше. Даже когда он был дома один, Джефферсон носил отутюженные брюки и элегантный пуловер в желтую и зеленую клетку, а свой хорошенький хохолок на макушке кокетливо закручивал налево с помощью геля.

— Заходи.

— Не я «заходи», а ты выходи. Сюрприз!

Джефферсону стоило некоторого труда скрыть недовольство: он усиленно готовился к зачету, и неожиданный визит друга пришелся совсем не кстати.

— Ладно. Обуюсь только.

Жильбер смотрел, как его друг переобувается, ставя по очереди ноги — правую, потом левую — на предназначенный для этого табурет, потом убирает на полку для обуви тапочки, которые собирается снова надеть через десять минут... Сам-то он, разуваясь, просто сбрыкивал с ног башмаки так, что они отлетали к противоположной стене, но Джефферсона давно перестал дразнить маньяком-аккуратистом. И сейчас в очередной раз ждал, не говоря ни слова, хотя внутри у него все кипело.

При виде драндулета, припаркованного перед домом, яркой картинкой, а особенно столь же

многообещающей, сколь незатейливой надписи: «Проблемы с отоплением? Жильбер!» — Джефферсон остолбенел.

— Знакомься: это Титина! — гордо объявил Жильбер.

— Твоя?

— Ну не моей же бабушки! И как тебе?

— Ты о росписи? Здорово. Это твоя сестра рисовала?

— Да. Скажи, впечатляет?

— Да, очень красиво. Но вот машина...

— А что машина?

Не мог же Джефферсон прямо сказать то, что подумал: развалюха, которой пора на металлолом.

— А... какой у нее пробег?

— Джефф, это очень невежливо — осведомляться о возрасте дамы. Немедленно извинись и залезай.

В кабине было на удивление тепло: хотя бы этим машина специалиста по отоплению могла похвастаться. Еще одно достоинство: мотор, который Жильбер не стал глушить, ровно (и громко) рокотал.

— Мотор шумит!

— А?

— МОТОР, ГОВОРЮ, ШУМИТ!

— Ну да, шумит! — рассмеялся Жильбер. — Значит, можно не сомневаться, что он есть!

Он напомнил, что права уже месяц как получил. А это маленькое чудо, которому и тридцати еще нет, ему подарили родители, а нашел для них Ролан — ну да, тот, что работает шофером у Баллардо и в машинах знает толк. На первый взгляд этот подарок может показаться немного ветхим...

«А на второй — тем более», — подумал Джефферсон, заметив пятно ржавчины на приборной доске.

— Это, к вашему сведению, не ржавчина, — назидательно изрек Жильбер, увидев, куда тот смотрит, — это коррозия.

Поскольку дождь припустил сильнее, он включил дворники, и Джефферсон не смог удержаться от смеха: одна щетка плавно скользила по ветровому стеклу, а другая двигалась рывками, словно вприпрыжку поспешая за старшей сестрой. Другой бы автовладелец мог и оскорбиться, но Жильбер был не из тех, кто упустит повод посмеяться, и вот уже оба в очередной раз закатывались, держась за бока. Такие приступы неудержимого смеха проходили пунктиром через всю их дружбу, еще с начальной школы. Случалось, их разбирало в самый неподходящий момент, и это было сильнее, чем страх перед наказанием. Которое и не заставляло себя ждать, — и, когда они стояли руки за спину, понутив повинные головы, главное было — не переглядываться, а то опять разберет.

У Жильбера свое дело! Джефферсон поймал себя на том, что завидует другу: больше никаких экзаменов, никаких отметок! Отучился три года — и вот у него есть профессия, он может зарабатывать, он свободен, сам себе хозяин. В ближайшем будущем, глядишь, женится, станет отцом семейства... Тогда как ему, Джефферсону, еще учиться и учиться, а что потом? География — это, конечно, очень увлекательно, но до окончания курса еще пять семестров,

и то при условии, что он не завалит ни одного экзамена...

— Ладно, Жильбер, я пойду. У меня сессия, в понедельник первый экзамен, вздохнуть некогда. С утра ботаю.

— Ботаешь, как же! Под «Каба-рэп»?

— Ну и что? Сделал паузу. Зайдешь на кофе?

— Нет, я только машину хотел показать. Завернул по дороге: еду кое-то чинить тут неподалеку. А потом еще к одной клиентке — ты с ней, кстати, знаком. Симона — помнишь, была с нами в туре Баллардо?

Еще бы Джефферсону не помнить! Четыре года назад они с Жильбером записались на экскурсию в Вильбург в стране людей. Это был лучший способ тайно расследовать убийство добряка Эдгара, барсука, державшего парикмахерскую «Чик-Чик». Симона, долговазая молодая крольчиха, особа довольно унылая, прониклась к ним теплыми чувствами. Единственная из экскурсантов одиночка, она отличалась чрезвычайной привязчивостью, чтобы не сказать навязчивостью.

— А! Что ж, поцелуй ее за меня. Если с табуретки, то дотянешься. Потом расскажешь, нашла ли она себе мужа.

— Ну, учись, студент, я поехал!

Джефферсон выпрыгнул из машины и поспешил укрыться от дождя под козырьком крыльца. Он провожал глазами фургончик, пока тот не скрылся, дружески хонкнув на прощание. Посмотрел на часы: пять. Можно еще часок позаниматься, а там и ужин готовить.

Вернувшись к картографии Птолемея, умершего около 170 года нашей эры, он снова задумался: это ли настоящая жизнь? Может, лучше бы научиться, например, выращивать шампиньоны или ремонтировать велосипеды... Но уже через полчаса он с головой ушел в то, что было ему интересней всего на свете, и теперь не отвлекся бы, хоть в трубы труби у него над ухом.

Этот Птолемей, конечно, считал, что Земля совершенно неподвижна и находится в центре Вселенной, но, несмотря на эту маленькую промашку, сумел нарисовать великолепные карты, и не такие уж неправильные, если разобраться. А сохранились ли они в оригинале, чтобы можно было их увидеть по правде, а не на экране? И существуют ли еще более древние карты?

Джефферсон как раз все это выяснял, когда его телефон принялся ерзать и подпрыгивать на столе. Это вернуло его к действительности, заставив осознать, что уже полвосьмого, что глаза у него вываливаются, что он умирает от голода и что звонит ему Жильбер.

— Джефф! Скорей сюда!

— Куда? Что за спешка? Ты вообще где?

— У Симоны. Тут какая-то хрень.

— Что-что?

— Что-то не так. Приезжай.

— Куда? И на чем? У меня же машины нет.

— Велик возьми! От тебя досюда три-четыре километра. Езжай до пруда, перед ним свернешь направо, это будет третий дом, у него еще такие странные ставни.

— Жильбер, льет ведь как из ведра.

— Нет, дождь перестал.

Джефферсон глянул в окно и вынужден был признать, что дождя действительно нет.

— Ладно, еду.

— Быстрей давай!

Была середина февраля, а велосипедом он не пользовался с начала зимы. В город ходил пешком, а в дурную погоду ездил на автобусе. Джефферсон выкатил велосипед из сарайчика, где тот обычно спал три с лишним месяца, смахнул с него пыль, по-быстрому подкачал шины, проверил фонарь, вскочил в седло и погнал в сторону пруда, что есть сил крутя педали. Шоссе было мокрым, из-под колес летели брызги, и он выругался: брюки завтра придется стирать.

Вот и поворот. Он стал считать дома: один... второй... третий. Над входной дверью горел фонарь, и фасад был освещен. А, вот и «странные» ставни, левое окно на втором этаже. В самом деле, только они и бросались в глаза. На трех других окнах ставни были светло-бежевые, сильно облупившиеся, а на этом — красные. Видимо, Симона начала красить и бросила. Краска потекла, приставная лестница валялась у подножия стены, рядом банка краски и кисть. Может, Симона упала и серьезно покалечилась? Но тогда Жильбер вызвал бы врача, а не студента-географа.

Джефферсон прислонил велосипед к почтовому ящику, на котором было написано просто «Симона» — с цветочком вместо «О».

Не успел он позвонить, дверь открыл очень бледный Жильбер, явно выбитый из колеи.

— Пойдем, это там.

У входа Джефферсон задержался, снимая промокшие башмаки. Жильбер говорил вполголоса и старался ступать бесшумно, что было совсем на него не похоже. Джефферсон, не на шутку встревоженный, следовал за ним, чувствуя, как душа уходит в пятки. Четыре года назад не кто иной, как он, обнаружил на полу парикмахерской безжизненное тело господина Эдгара с его собственными ножницами в груди, и долго не мог оправиться. Неужели этот кошмар повторится? Неужели Симона... убита? Зарезана и расчленена? Висит на крюке в стенном шкафу, как жена Синей Бороды? Задушена подушкой? Пристукнута пылесосом? Воображение Джефферсона неслоь вскачь.

Путь их лежал через маленькую гостиную. Там царил образцовый порядок. На журнальном столике щипцы для орехов и плошка со скорлупками. Маленький телевизор на табурете, на нем газета с программой. На книжных полках — заботливо вставленные в рамочки фотографии из туристических поездок. На одной, как успел заметить Джефферсон, красовалась группа Баллардо в полном составе. Снимала, конечно, Роксана, которая была у них экскурсоводом. Симона, как самая высокая, стояла позади всех и улыбалась.

— Это в кабинете... — шепнул Жильбер, кивком указывая направление.

— Ты считаешь, это необходимо — чтобы я... — заикнулся было Джефферсон, у которого ноги подкашивались.

— Иди. Оно там, я оставил, где лежало...

Последняя фраза не оставляла места сомнениям. Джефферсон на грани обморока, с жалобным «Х-х-х... к-кр-р-ре-е-екс...» шагнул в кабинет мимо остановившегося в дверях друга — и увидел то, чего меньше всего ожидал, иначе говоря — ничего. Он недоуменно обернулся.

— Вон там, Джефф, на столе... Письмо.

Он подошел. Письменный стол был прибран. Слева ноутбук, выключенный и закрытый, справа стакан с разноцветным букетом ручек и карандашей. А посередине, на самом виду — два убористо исписанных листка А4. Письмо начиналось словами: «Дорогой Жильбер...» Джефферсон снова обернулся.

— Вообще-то, Джефф, это мне, но ты читай, разрешаю.

Джефферсон присел к столу и стал читать. Почерк у Симоны был мелкий, и на четыре страницы у него ушло несколько минут. Дочитав, он вынужден был снять очки и протереть глаза. Не будь здесь Жильбера, Джефферсон, пока читал, прослезился бы раза два как минимум, уж он-то себя знал.

— Ох, бедная, как мне ее жалко, — вздохнул он, вставая. — Понимаю твое состояние.

Жильбер, держась за живот, стоял в дверях кабинета, уже не просто бледный, а прямо-таки позеленевший.

— Ну да, — простонал он, — а еще я блинчиков поел у предыдущего клиента. Мне поставили полную салатницу сладких блинчиков, я их и таскал, пока ремонтировал бойлер.

— И много съел?

— Ох. Штук семнадцать, кажется.

Дорогой Жильбер!

Для начала простите мне маленький обман: у меня ничего чинить не надо. Всю зиму в гостиной было девятнадцать градусов, а в спальне шестнадцать, все радиаторы работают отлично, все в полном порядке. Или, вернее, не так: у меня все совсем не в порядке, но этого и самому лучшему теплотехнику не исправить.

Попробую объяснить, не раскисая от жалости к себе, бедняжке. Я очень рано лишилась родителей: они были уже в возрасте, когда я родилась, и оба — слабого здоровья, которое, впрочем, и я от них унаследовала. Знаете песенку: «там стреляет, здесь болит, не анги-на, так колит...» Ну вот, это точно про меня. Пройдет боль в горле — в колено вступит, пройдет кашель — об-мечет сыпь, или из носа потечет, или еще что-нибудь, и конца этому нет. И особенно плохо с суставами.

У меня нет ни дядюшек, ни тетушек, ни кузенов, ни кузин, ни дедушек, ни бабушек, ни братьев, ни сестер, ни племянников, ни племянниц. Такое впечатление, что я — последняя представительница какой-то ту-пиковой ветви эволюции, тахнущей от поколения к по-колению, последний жалкий росток.

Но если нет семьи, есть же друзья! — скажете вы, и я так всегда и думала. Вот только — вы будете смеяться, но мне так и не удалось их обрести. Думая, я всех отпугиваю. Я всем кажусь смещной, знаю, я ведь не идиотка. Подшучивают над моими длинными обвислыми ушами, над моими ногами-ходулями, над моей худобой, причем беззлобно, я к этому привыкла. Ко мне очень хорошо относятся, приветливо встречают, но это и все, понимаете? Наверное, я всех утомляю, слишком многого от них хочу.

А мне хотелось бы, чтобы я была не одна.

Куда я только не записывалась в надежде кого-нибудь встретить! Чем только не занималась: стретчинг, йога, цигун, китайский язык, кулинария; училась ездить на моноцикле, вязать морские узлы, фотографировать кувшинки, расписывать яйца... Если б существовали курсы резьбы по яблочным огрызкам, я бы и туда записалась. Ездила в экскурсионные туры раз двадцать, а то и больше, но все путешествуют по большей части парами, а одиночки — такие же ничемные, как я. Результат всегда один и тот же: одинокие вечера перед телевизором.

После нашей поездки в Вильбург четыре года назад я думала, что мы будем и дальше общаться — я имею в виду, мы, Баллардо. Столько вместе пережили! Не побоюсь сказать — это была самая прекрасная неделя в моей жизни. Особенно тот день, такой солнечный, когда мы гуляли вдвоем по старому городу — вы, ваш друг Джефферсон и я. Какой этот Джефферсон

симпатичный! Немного слишком чувствительный и, пожалуй, ростом не вышел, но до чего же милый! Знаете, он меня совершенно очаровал, только, пожалуйста, ему не говорите. Признайтесь честно: в тот день вам было досадно, что я прицепилась к вам как пиявка, когда вы прекрасно обошлись бы без меня. А я — я любовалась вашей чудесной дружбой, но в то же время страдала, потому что знала: у меня такого никогда не будет.

Да, я и правда думала, что, вернувшись из поездки, мы продолжим встречаться, но нет, все ограничилось ветеринкой, когда мы смотрели фотографии. Вас, должно быть, удивляет, что я придаю такое большое значение той поездке и группе Баллардо, нашему прекрасному единению. Это потому, что после возвращения я почувствовала себя еще более одинокой. Вы все занялись чем-то своим. А я нет.

Следующие два года были для меня тяжелыми. Я по-прежнему работала на почте, но еще стала мастерить оригинальные украшения. И в один прекрасный день попробовала их продавать. И тут-то это и произошло...

Дорогой Жильбер, сегодня утром я покинула свой дом и не знаю, когда вернусь и вернусь ли вообще. Не могу вам сказать ни где я, ни с кем, ни чем занимаюсь. Я не уверена, что вы бы это одобрили. Во всяком случае, это тайна, извините.

В заключение обращаюсь к вам с просьбой: не согласитесь ли вы присматривать за моим домом, пока

меня не будет? Чтобы трубы в мороз не полопались, чтобы не было протечек, ну и все такое. Прилагаю чек на ваше имя, проставьте в нем сумму, какая следует за эти услуги. Буду присылать такие чеки каждые полгода. Если же вы не захотите или не сможете взять на себя эту нагрузку, я пойму и не обижусь. А с домом будь что будет. Меня бы это больше заботило, если б в нем я была счастлива, но ведь не была. На прошлой неделе я хотела покрасить ставни, упала и больно ушиблась. Эта капля краски стала последней каплей; в тот день я приняла решение.

Пишу еще вот зачем: я не хочу уйти отсюда так же, как здесь жила, — так, что никто бы этого и не заметил.

Обнимаю вас, вашего друга Джефферсона и всех Баллардо.

Симона.

P. S. Пожалуйста, перед уходом выключите отопление. Я его оставила включенным, чтобы вы могли прочесть мое письмо в тепле, если вы и вправду его получили. И закройте дверь, а ключ оставьте в одном из старых башмаков, которые висят на гвозде в пристройке, слева от входа.

Заранее благодарна.

